

**ИЛЛЯ
МЕЧНИКОВ**

*Этюды
о природе человека*

Санкт-Петербург

УДК 572
ББК 28.71
М 55

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

ISBN 978-5-389-11053-3

© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

Предисловие к пятому изданию

Более двенадцати лет прошло со времени появления первого издания этой книги.

Много новых фактов было открыто за это время; не было недостатка и в возражениях против моих идей; тем не менее вновь добытые сведения, в общем, вполне подтвердили их.

Высказанные возражения основаны скорее на недоразумениях, чем на прочно установленным фактам.

В пример могу привести возражение Чарлза Седжвика-Минота, профессора сравнительной анатомии в медицинской школе Гарварда, в Бостоне.

Он не признает основной идеи моей книги «о дисгармониях человеческой природы», а именно дисгармоний, вытекающих из чрезмерного развития наших толстых кишок, что я считаю не только бесполезным, но даже существенно вредным и могущим содействовать укорочению нашей жизни.

В своей популярной брошюре «О современных задачах биологии» Минот настаивает на том, что старость и смерть — удел не одних существ, снабженных толстыми кишками, но и таких, у которых вовсе нет последних.

Кто же когда бы то ни было отстаивал обратное?

В предшествующих изданиях этой книги, так же как и в моих «Этюдах оптимизма», я рассматривал несколько примеров естественной смерти у животных, не имеющих и следа толстых кишок (поденки и коловратки).

Недоразумение, в которое впадает мой противник, сводится просто к тому, что я приписываю микробам

наших толстых кишок возможность вызывать преждевременную старость и смерть, нисколько не считая их причиной старости и смерти.

Но так как в роде человеческого старость всегда преждевременна, точно так же как и смерть, то и соображения мои относительно толстых кишок и кишечных микробов сохраняют все свое значение, особенно ввиду многочисленных новых фактов, окончательно установленных со времени появления первого издания этого сочинения.

Чтобы бросить общий взгляд на современное положение вопроса, советую читателю прочесть следующее извлечение из моей беседы по поводу 70-летнего дня моего рождения, 3 мая 1915 года:

«...уже в самые отдаленные времена было сказано царем Давидом, что 70 лет — предел жизни человека. Более сильные люди достигают 80 лет; далее этого — один труд и страдания».

С тех пор 70 лет считались нормальным пределом человеческой жизни. И действительно, было точно установлено и часто подтверждалось, что наибольшая смертность выпадает на 70–71 год (не включая первых лет детского возраста).

Следующий график итальянского статистика Бодио может служить этому доказательством (рис. 1).

Я должен почитать за особое, не всем доступное счастье, что достиг этой вершины.

Долговечность часто считают наследственной.

Так, знаменитый Листер, открывший антисептику, достиг 85-летнего возраста, — он принадлежал к долговечной семье. Отец его умер 83 лет, а дед — в 93 года.

Я не принадлежу к разряду долговечных семей. Мои деды, родители, братья и сестра — все умерли, не достигнув моего настоящего возраста (маленькие кресты, обозначенные на графике, указывают возрасты смерти моих родителей, братьев и сестры).

Свою долговечность я приписываю тем гигиеническим правилам, которым следую в течение уже многих

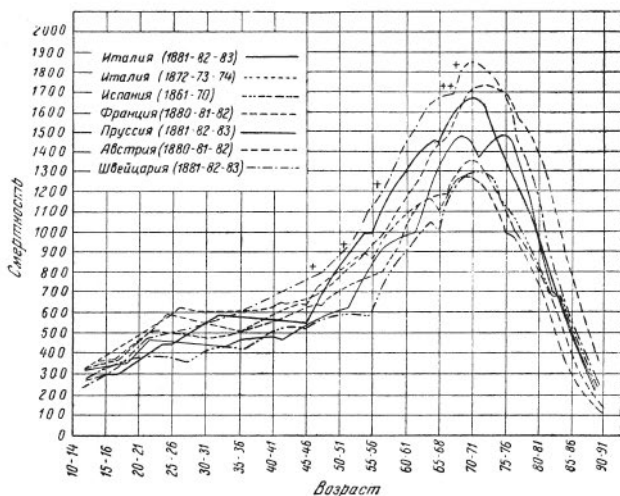

Рис. 1. Смертность в различные возрасты на 100 000 рождений по странам

лет¹. Правила эти основаны на убеждении во вредном влиянии нашей кишечной флоры.

Существует распространенная идея, будто микробы нашего кишечника находятся в симбиозе с нашим организмом; однако я полагаю обратное. Я думаю, что мы вскармливаем большое количество вредных микробов, укорачивающих нашу жизнь и вызывающих преждевременную и мучительную старость.

К аргументам, основанным на изучении кишечной флоры, можно прибавить довод злобы дня.

В течение этой бесконечной войны ежедневно приходится наблюдать заражение ран бациллами Уэлша (*refringens*), стрептококками и другими микробами из содержимого кишок. Следовательно, микробы эти вовсе не безвредные сожители наши, а, напротив, агенты болезней и смерти.

¹ Начиная с 56 лет.

Убежденный во вреде нашей кишечной флоры, я уже более 18 лет веду над самим собой опыты борьбы с ее пагубным влиянием. Я воздерживаюсь от всякой сырой пищи и, сверх того, ввожу в свой обиход молочнокислые микробы, мешающие загниванию в кишках.

Само собою разумеется, что это лишь первый шаг в преследуемой мною задаче.

Помимо гнилостных бактерий, наша кишечная флора переполнена другими вредными для нас микробами. Я имею в виду бактерии, выделяющие масляную кислоту — яд, всего более разрушающий наши самые ценные органы. Изучение способов борьбы с этими микробами было прервано вследствие войны, повлекшей уничтожение опытных животных.

Но уже с самого начала моих исследований я убедился в том, что размножение маслянокислых бацилл не зависит исключительно от свойства пищи.

При совершенно одинаковом режиме у некоторых обезьян очень много этих микробов, в то время как у других особей того же вида — их вовсе нет.

Эти исследования убедили меня в том, что кишечная флора получает определенное направление тотчас после отнятия от груди матери.

Поэтому, чтобы установить хорошую кишечную флору, надо с самого раннего детства засевать кишки полезными микробами и удалять вредные.

Следовало бы делать в детских приютах опыты в этом направлении, а также и в обезьянниках, где необходимо заняться выращиванием обезьян.

С другой стороны, в приютах для стариков можно было бы изучать режимы, способствующие нормальной старости и наибольшей долговечности.

В настоящее время приходится считать себя счастливым, когда в 70 лет еще в состоянии продолжать выполнение своих жизненных задач; в будущем этот предел, конечно, значительно отодвинется.

Но для достижения этого результата потребуются еще продолжительная научная работа.

Наряду с исследованиями кишечной флоры как причины преждевременной старости, с ее сосудистыми, нервными и другими поражениями, научной макробиотике, которая должна быть почти целиком создана, придется изучать старческие болезни; между ними первенствующее место занимают воспаления легких и злокачественные опухоли.

Основой новых исследований должна служить идея, усвоенная нашим институтом и так удачно защищаемая Боррелем относительно внешнего происхождения раков.

Прежде всего следует производить наблюдения в приютах для престарелых.

Если микроб рака действительно существует, то режим стерильной пищи и чистота кожи должны предохранять людей от губительного влияния этого микроба.

Рациональная макробиотика — наука будущего. В ожидании ее прикладных результатов можно довольствоваться нормальной жизнью в 70 лет.

К счастью, уже в этом возрасте, по крайней мере у некоторых индивидуумов с укороченным циклом жизни (к числу которых принадлежу я сам), инстинктивный страх смерти начинает сглаживаться и уступать место удовлетворению уже прожитой жизнью и потребности небытия.

Здесь мы касаемся одной из самых великих задач, занимающих человечество с отдаленнейших времен.

Мыслители обыкновенно приступали к этой задаче в таком возрасте, когда всего сильнее выражено желание жить; они приходили к пессимистическому мировоззрению, не представляя себе такого душевного состояния, при котором желание это более не ощущалось бы.

Подобной задачей главным образом заняты были поэты и писатели. Между ними особенно выделяется Толстой, несколько раз возвращавшийся к этому вопросу и давший наилучшее описание страха смерти.

Через посредство своих действующих лиц он признает, что в течение долгих лет «не думал о маленьком обстоятельстве, о том, что смерть придет и что все будет

кончено, что не стоило предпринимать чего бы то ни было и что невозможно помочь этому. Это ужасно, но это так», заключает он.

Продолжая свои пессимистические размышления, он прибавляет: «Если не сегодня, то завтра; а если не завтра, а только через 30 лет, — не все ли равно?» («Анна Каренина»).

Нет, это совсем не все равно!

Толстой, который был, несомненно, великий знаток души человеческой, не подозревал, что инстинкт жизни, потребность жить не одинаковы в разные возрасты.

Мало развитая в юности, потребность эта сильно преобладает в зрелом возрасте и особенно в старости. Но, достигнув глубокой старости, человек начинает ощущать удовлетворенность жизнью, род пресыщения ею, вызывающего отвращение перед мыслью о вечной жизни.

В современных условиях такое душевное состояние обнаруживается лишь в исключительных случаях, так как весьма редки примеры достижения глубокой старости при полном сохранении умственных способностей.

Но в будущем, когда рациональная гигиена установит правила нормальной жизни, сегодняшние исключения станут общим правилом.

Когда будет окончена эта столь продолжительная война, которую ответственные лица не сумели или не хотели устранить, наступит длинный период мира.

И когда нынешняя злоба дня будет сдана в архив, задачи, рассматриваемые нами в этом труде, сохранят весь свой интерес.

Надо надеяться, что работы, которые будут сделаны тогда во всех научных областях и в которых мы не сможем более принимать участия, будут широко содействовать тому, чтобы люди будущего могли проводить жизнь согласно идеалу ортобиоза и могли бы достигать нормального предела жизни, значительно более продолжительной, чем теперь.

Париж, 15/2 ноября 1915 года

Илья Мечников

Предисловие к первому изданию

Стремление выработать сколько-нибудь общее и цельное воззрение на человеческое существование привело к сочинению, русский перевод которого предлагается читателю.

Считаю не лишним представить здесь некоторые сведения относительно истории развития идей, которые он встретит в нем.

Поколение, к которому я принадлежу, легко и быстро усвоило основы положительного мировоззрения, развившегося главным образом вокруг учения о единстве физических сил и об изменяемости видов. Но в то время как естественно-историческая сторона этого мировоззрения отвечала всем требованиям мышления, его прикладная часть, относящаяся к человеческой жизни, казалась все менее и менее способной удовлетворить стремлению к осмысленному и обоснованному существованию. При таких условиях легко было склониться к взгляду, что в человеке природа дошла до своего последнего предела. В результате длинного, сложного и часто запутанного процесса развития на Земле явилось существо с высоко одаренным сознанием, которое подсказывало ему, что дальше идти некуда и никакой цели впереди не существует. Долго подобное воззрение выражалось в форме туманной «мировой скорби», но с развитием знания оно стало принимать более ясные и определенные формы. Пессимистические философские системы XIX века нашли отклик и в научной мысли. Казалось в самом деле, что жизнь, уясненная сознанием, есть бессмыслица, тянущаяся на основании какой-то животной наследственности, без руководящего начала. Науке надлежало лишь разобраться в этой путанице, чтобы по крайней мере уяснить происхождение и развитие такого печального положения вещей.

Давно, 35 лет назад, мне представилось, что я постиг причину нелепости человеческой жизни. Наблюдая поведение щенков под надзором их матери, я поразился

тем, как легко дается воспитание в собачьей породе. Щенки подражают во всем своей матери и постепенно приучаются делать все то, что подобает взрослым собакам. Какая разница между кратким периодом развития щенков и продолжительностью воспитательного возраста у человека! Какая огромная разница между ребенком и взрослым человеком сравнительно с ничтожным различием между щенком и взрослой собакой! Понятно, что при таких условиях подражание детей поведению их родителей может вместо добра привести к самым печальным последствиям. Отсюда ясно, что столь частые у людей бедствия в период воспитания зависят от чисто биологического фактора — несоответствия между продолжительностью детского возраста и надлежащим поведением детей. Мысль эту я развил в очерке, напечатанном в «Вестнике Европы» 1871 года, — очерке, в котором впервые высказал соображение о дисгармонии человеческой природы как источнике больших бедствий. Мне казалось, что основной изъян человеческой природы должен неизбежно привести к отрицанию существования, и вскоре я приступил к разработке вопроса о самоубийстве, надеясь найти достаточно фактических данных в пользу моей точки зрения. Прогрессивное увеличение числа самоубийств, параллельно с успехами цивилизации, поддерживало меня в моем предприятии, и я начал уже писать этюд на эту тему. Но я вскоре увидел, что весь вопрос крайне запутан и сложен, и, оставив незаконченным очерк о самоубийстве, я написал другой: «О возрасте вступления в брак» (Вестник Европы, 1874). Главной мыслью здесь было несоответствие между брачной и половой зрелостью, т. е. биологическая дисгармония, все более и более дающая себя чувствовать с усовершенствованием культуры.

Таким образом, положительное знание, мне казалось, могло обосновать пессимистическое мировоззрение, в котором я укреплялся все более и более. Юношеская чувствительность с своей стороны давала ему значительную пищу. Я задумал род критической анатомии человека,

в которой я намеревался сопоставить наличность человеческой природы с теми требованиями, какие мы предъявляем к ней.

Но жизнь шла своим чередом. Юношеская чувствительность и требовательность к жизни сменялись более спокойными чувствами зрелого и пожилого возрастов. Дисгармонии последнего представлялись в ином свете, хотя продолжало быть ясным, что сущность человеческих бедствий именно заложена в природе человека.

Огромные успехи медицины во второй половине прошлого века подали надежду на лучшее будущее. Человеческое существование, каким оно является на основании данных наличной природы человека, может радикально измениться, если бы удалось изменить эту природу. Человеческая жизнь свихнулась, и старость наша есть болезнь, которую нужно лечить, как всякую другую. Долгое время думали, что болезнь детей при прорезывании зубов есть неизбежное страдание, против которого ничего нельзя и не нужно предпринимать. Теперь известно, что это — инфекционная болезнь, которую можно и должно избежать. Раз старость будет излечена и сделается физиологической, то она приведет к настоящему естественному концу, который должен быть глубоко заложен в нашей природе.

Рассматриваемая таким образом человеческая жизнь перестает быть нелепостью; она получает смысл и цель, к которой люди должны сознательно стремиться. Только наука способна решить задачу человеческого существования, и потому ей нужно предоставить самое широкое поле деятельности в этом направлении.

В течение нескольких лет я смотрел на вещи с этой точки зрения, и когда я увидел, что логически все вяжется с нею, то решил поделиться своими мыслями с читателем, надеясь принести ему посильную пользу. Я очень хорошо знаю, что многое у меня гипотетично, но так как положительные данные добываются именно при помощи гипотез, то я нисколько не колебался в опубликовании их. Более молодые силы займутся их проверкой и даль-

нейшим развитием. Пусть они примут мою попытку за род завещания отживающего поколения новому.

* * *

Первая глава этой книги есть переделка первой половины моего очерка воззрений на человеческую природу, напечатанного в «Вестнике Европы» в 1877 году.

Перевод этого сочинения был сделан моей женой и проредактирован мною. Против французского оригинала были сделаны некоторые изменения, вызванные как сущностью предмета, так отчасти и внешними обстоятельствами.

Париж, 11 мая нов. ст. 1903 года

Илья Мечников

Предисловие ко второму изданию

Это издание отличается лишь очень немногим от предыдущего, так как, несмотря на сделанные мне многочисленные возражения, понадобилось изменить лишь некоторые подробности. Но так как вопросы, затронутые мною, подлежат дальнейшей разработке, то я предпочел посвятить отдельную книгу ответу на многие из сделанных мне возражений и изложению результатов исследований, произведенных в течение последних двух лет.

Севр, 3 июня 1905 года

Илья Мечников

Предисловие к третьему русскому изданию

Второе издание этих этюдов разошлось как раз в то время, когда в России произошел несомненный поворот в сторону серьезного изучения природы и жизни. После продолжительного периода, когда на науку не было никакого спроса, многие возвращаются к мысли, что знание способно разрешить много важнейших вопросов человеческого существования. Рядом с этим нет недостатка

и в попытках умалить значение науки ради торжества религиозных и метафизических построений. Раздаются даже голоса, что позитивизм отжил свой век и что он должен уступить место новой метафизике и религии. Но на чем основывают подобное суждение?

Положительное знание — в этом никто не сомневается — каждый день дает человечеству новые источники блага. На наших глазах совершенствуется замена животной силы механической, и наступает время, когда люди будут летать по воздуху. Борьба против болезней, этого величайшего зла природы, с каждым годом становится действительнее, что выражается в поступательном уменьшении смертности в цивилизованных странах всего мира. Увеличение материального благосостояния людей тоже в общем наблюдается на протяжении обоих полушарий.

Но, говорят, не в этом дело, а в том, что наши чувства и ум суть ненадежные источники познания и легко могут вести нас к ошибочным заключениям. Наука не в состоянии даже поручиться в том, что завтра взойдет солнце и наступит день. А нечего и говорить, что она не разрешила вопроса о происхождении жизни и не дает возможности нарисовать законченную картину мира. При таких условиях, когда столь многое не решено и когда постоянно приходится прибегать к гипотезам, вполне оправдывается признание банкротства науки.

Что же в таком случае делать человеку, ведущему сознательную жизнь и стремящемуся разумно обосновать свои поступки? Ему предлагают вместо гипотез, могущих быть проверенными методами положительной науки, представить себе, что он как частица мироздания должен чувствовать себя солидарным с ним и направлять свою деятельность ради споспешествования «целям природы», «мировому процессу», которые будто бы должны привести к царству добра. В восьмой главе этой книги читатель найдет указание на статью Мейер-Бенфея о «современной религии», которая указывает человечеству стремиться к царству чистой и совершенной культуры. Другой немец-

кий автор, известный невропатолог Мебиус, задаваясь вопросом о цели жизни, видит утешение в признании, что человек служит для более высокой задачи даже тогда, когда он сам не знает, как он это делает. «Если мы, — говорит он, — составляем звено обширного целесообразного целого, то уже это сознание способно наполнить нас надеждой» (*Annalen der Naturphilosophie*, 1904, с. 322). Интересно, что автор писал эти строки, когда уже признавал себя одержимым неизлечимой болезнью. Мысли его поэтому тем более заслуживают серьезного внимания.

Сходная мысль заключается в предположении Гефдингга, будто у человека существует какое-то особенное «космическое чувство», при помощи которого мы можем ощущать нашу солидарность с мирозданием и познавать пути, по которым оно руководит нами. Эту гипотезу развивает и г. Хвостов (*Московский еженедельник*, 1908, № 18, 19), не останавливаясь перед тем, что она вносит с собою «вполне мистический элемент». Космическое чувство у него считается проявлением веры, являющейся одною из существенных составных частей нашей духовной природы. В то время когда присущие всякому нормальному человеку чувства постоянно вводят нас в заблуждение, одно космическое чувство «не может нас обмануть». Следуя ему, нужно жить, быть деятельным, любить «своих ближних и весь мир». Таким образом, человек, чувствуя себя соединенным со всем мирозданием, достигнет истинного счастья.

Пользующийся значительной популярностью современный писатель Метерлинк, один из главных поборников новейшего мистицизма, проповедует сходные мысли, которые, в сущности, сводятся к давно уже выступившему на сцену пантеизму. В приспособлении цветов к перекрестному оплодотворению их посредством насекомых он видит доказательство существования у них ума, подобного человеческому. Отсюда он заключает, что природа человеческая, сходная с остальной природой, есть только частица последней и что человек есть существо, «через

которое проходят и через которое всего сильнее обнаруживаются сильные воли и сильные пожелания мироздания» (*L'intelligence des fleurs*, с. 100). Метерлинк видит в приспособлении цветов доказательство того, что «дух, который оживляет все сущее и который выделяется из него, имеет ту же сущность, как и дух, оживляющий наше тело. Если он походит на нас и если мы, таким образом, похожи на него; если он употребляет наши методы; если у него те же привычки, что и у нас, те же заботы, те же стремления, то же пожелание лучшего, то не разумно ли надеяться на осуществление всего, на что мы надеемся инстинктивно, непобедимо, так как почти несомненно, что и он также надеется? Вероятно ли, когда мы находим рассеянной в жизни такую сумму разума, чтобы эта жизнь не была результатом разумной деятельности, т. е. чтобы она не преследовала идеала счастья, совершенства, победы над тем, что мы называем злом, победы над смертью, тьмою, исчезновением, которое, вероятно, не что иное, как тень его лика или его собственный сон?» (там же, с. 107).

Легко убедиться в том, что если современное положительное знание еще далеко от совершенства и если источники нашего познания способны ввести в заблуждение, то все-таки они неизмеримо способнее руководить нами, чем неопределенные мистические предчувствия. В этой книге читатель найдет примеры бед, обусловленных дисгармоническими инстинктами: аппетитом, ведущим к поеданию вредной пищи, половым чувством, ведущим к нецелесообразному его удовлетворению. Но, несмотря на все недостатки, эти инстинкты привели людей к их настоящему положению, когда они частью научились, частью учатся отражать причиняемое им зло и когда люди, благодаря этим инстинктам, сохранили свою жизнь и существование человеческого рода. Где же доказательство чего-либо подобного относительно благотворного влияния «космического инстинкта» и сознания солидарности с мирозданием и «духом, который ожив-

ляет все сущее»? В природе громадной массы, вероятно, даже вообще всех людей подобных инстинктов вовсе не существует. Они составляют плод воображения лиц, почему-либо не удовлетворяющихся положительным знанием. Для того чтобы познать выражение мирового духа в цветах, Метерлинк должен был приписать разумной деятельности то, что явилось в результате переживания особей, обладающих признаками, помогающими переносу цветочной пыли посредством насекомых. По обыкновению, он обратил внимание только на лицевую сторону медали и не заметил множества случаев, где такого приспособления не существует. Во второй главе этой книги читатель найдет ряд фактов, способных уяснить этот вывод. Но достаточно перелистать руководство или атлас об уродливостях человека и животных, чтобы убедиться, какое количество является на свет существ, неспособных к жизни вследствие прирожденной недостаточности. Там читатель найдет одноголовых уродов с четырьмя руками и ногами, близнецов, сросшихся головами, грудью, тазом и проч. Там же он встретит новорожденных без головного мозга, циклопов с одним глазом, без носа, без заднего прохода и проч. Очень многие из числа этих уродов неспособны к жизни именно вследствие неприспособленности их организации. Остаются в живых лишь те, кто обладает органами, способными к жизни.

Несмотря на все возражения, основное положение позитивизма, что мы никакого «духа природы» познать не можем и не имеем никакого понятия ни о нем, ни о его целях и стремлениях, остается в полной силе. Можно допустить, что есть люди, которым представление о несуществующем космическом инстинкте и о мистических силах доставляет большее удовлетворение, чем руководство научными гипотезами в искании истины, но этому направлению невозможно предсказать будущности. И это тем более, что оно не представляет чего-либо нового, а есть лишь повторение мыслей, которые имеют длинную историю и которые не могли завоевать себе достаточного признания.

Но рядом с мистицизмом в современном обществе выдвигается и противоположное направление. Нередко слышатся голоса крайнего скептицизма и отрицание всего, что не ведет тотчас к удовлетворению непосредственных инстинктов. Так как все слияния с мирозданием, которые проповедуют мистики, не опираются ни на что положительное, а являются полнейшим миражом, то лучше спуститься на землю и искать на ней все блага, на которые способен человек. В этом отношении на первый план выдвигается половой инстинкт, способный доставить человеку огромную сумму удовольствия. Это благо несомненное, за доказательством которого нечего ходить далеко и к которому поэтому нужно стремиться всеми силами. Традиционное воззрение на зло, заключающееся в удовлетворении полового чувства, есть пережиток старых времен, когда обо всем судили совершенно неправильно, который должен быть сдан в архив как вредный хлам. Так как супружеская верность и единобрачие очень часто не мирятся с требованиями инстинкта, то их следует заменить действиями, более согласными с последними. Подобные соображения легко приводят к поведению, напоминающему очень давнюю страницу истории человеческого рода.

Современные течения колеблются, таким образом, между двумя крайностями: мистическим идеализмом, с одной стороны, и ультрареализмом — с другой. Оба они имеют между собою то общее, что они не удовлетворяются наукой и основанным на ней мировоззрением. Между тем только последнее способно привести человечество к возможно счастливому существованию. Я разумею здесь не только материальные удобства и усовершенствования в удовлетворении ближайших потребностей, но и все, что касается самых возвышенных стремлений человеческого духа.

Источники нашего познания, разумеется, очень несовершенны; они не приведут, быть может, никогда к безусловной и полной истине. Но из всех несовершенных орудий нашего духа наши чувства и логическое мышле-

ние все же занимают первое место. Подобно тому как неверные весы и неточные термометры могут дать ценные результаты при разумном пользовании ими, так и наши несовершенные чувства могут привести к познанию истины или некоторой доли ее. Выводы, проверяемые опытным методом, обладают особенной ценностью и прочностью и способны поэтому дать ищущему уму самое высокое удовлетворение. На закате своих дней Пастер, успевший испытать в своей жизни множество самых различных впечатлений, так высказался по этому поводу: «Когда, после стольких усилий наконец приходишь к достоверному результату, то испытываешь при этом одно из наиболее радостных чувств, какое только способна ощущать человеческая душа» (из речи при открытии Пастеровского института в 1888 году). Эти слова, я надеюсь, можно смело противопоставить сетованиям юного Байрона, который, терзаемый угрызениями совести из-за половой любви к своей сестре, говорит устами Манфреда, что «кто мог во все умом своим проникнуть, тот истину встречает воплем скорби, и знание — ему не древо жизни».

В теории ортобиоза, т. е. правильной жизни, основанной на изучении человеческой природы и на установлении средств к исправлению ее дисгармоний, теории, которую я развиваю в этой книге, я привожу целый ряд данных в пользу того положения, что только положительное знание способно вывести человечество на верный путь. Для того чтобы представить читателю наглядный пример, попробуем сопоставить отношение трех мировоззрений к вопросу о человеческом поведении, или, что то же, об основах нравственности. Вот как поучает современная мистика: «Мировой процесс, посылая человека в жизнь, говорит ему: живи, будь деятелен, люби своих ближних и весь мир, познавай себя и окружающий мир и неустанно служи тому, что твоя воля и знание показывают тебе как добро, и тогда ты исполнишь свое назначение. Нам ничего не остается, как слушаться этого внутреннего голоса, голоса того космического чувства, которое соединяет каждого из нас со всем миром» (Хвостов, там же, с. 28).

Мечников И.

М 55 Этюды о природе человека / Илья Мечников. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. — 320 с. — (Азбука-классика. Non-Fiction).

ISBN 978-5-389-11053-3

«Этюды о природе человека» — широко известный труд Ильи Мечникова, который можно смело отнести к жанру научно-популярной литературы. Написанная более века назад книга не потеряла своей актуальности, а вопросы, которые автор поднимает в ней, остаются нерешенными и сегодня: «Сколько лет должны жить люди?», «Являются ли болезни, старость, смерть для них неизбежными, обязательными?» В увлекательной форме Мечников знакомит читателя с существом по имени Человек: рассказывает о его природе и происхождении, о его отличии от животных, о его недостатках и «дисгармониях», о попытках религии и философии с ними справиться и, наконец, о возможностях, которые позволяют успешно бороться с преждевременным старением и которые, по мнению ученого, изначально заложены в человеческом организме.

УДК 572

ББК 28.71

Литературно-художественное издание

ИЛЬЯ ИЛЬИЧ МЕЧНИКОВ
ЭТЮДЫ О ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕКА

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Ольги Варламовой
Корректоры Елена Терскова, Станислава Кучепатова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 01.07.2022. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 14,1. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация по вопросам приема рукописей и творческого
сотрудничества размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-NFA-19083-05-R